

Заклинатели меча — те, кто избрал путь клинка для постижения Дао.

Дух меча рождается лишь тогда, когда заклинитель скрепляет верность оружию каплей крови из собственного пальца.

Одухотворённая воля меча — то, насколько глубока и сильна внутренняя суть самого воина.

Стоило ему сжать рукоять этого «чужого» клинка и выпустить наружу одухотворённую волю, как на него хлынула лавина до боли знакомых чувств.

Словно вещь, с которой он никогда не расставался, которая срослась с ним и стала частью его самого, вдруг пропала. И вот теперь, век спустя, она вернулась. Пьянящее чувство обретения утраченного.

В мире существует великое множество проявлений воли меча: беспощадных и чистых, коварных и неуловимых.

Но воля Лян Сюаня... она была прекрасна.

Невероятно прекрасна — будто снежной ночью, среди кружащейся метели, прямо из мёрзлой земли пробилась груша и расцвела пышным цветом, чтобы в то же мгновение осыпаться нежными лепестками.

Первый выпад ушёл впустую, но следом, без передышки, рванули вторая и третья волны!

Незнакомец в бамбуковой шляпе-вэймяо на мгновение опешил — движения нападавшего были до безумия знакомы. Эта секундная заминка стоила ему дорого: когда он опомнился, чёрная вуаль уже разлетелась надвое, явив миру безупречно красивое лицо.

Резкие, мужественные черты, глубокий взгляд — во всём его облике сквозила дерзкая, мятежная удаль.

— Откуда у тебя эта техника?! — потребовал ответа мужчина. — С кем ты тренировался? Кто ты такой?!

Лян Сюань лишь усмехнулся:

— А ты ещё не догадался?

— Я спрашиваю в последний раз, — мужчина помрачнел, его ладонь легла на рукоять меча. Казалось, одно неверное слово, и клинок сорвётся с ножен, чтобы перерезать наглецу горло. —

Кто ты такой?! И кем ты приходишься тому человеку?!

— Тому человеку? Это кому же? — невинно поинтересовался Лян Сюань.

— Ма-стер-у ме-ча Цзи-хуа! — процедил сквозь зубы мужчина, выделяя каждое слово.

Видя, как тот буквально исходит злобой и едва ли не зубами скрежещет от ярости, Лян Сюань тяжело и сокрушённо вздохнул:

— Ладно-ладно, чего ты так развоевался? Прямо жуть берёт. Расскажу я тебе, так и быть. На самом деле Мастер меча Цзихуа... ну, то есть Вэйцы-цзюнь... он мой папаша. Я его сын.

«Признать самого себя собственным отцом — выполнено»

Слова эти прозвучали подобно грому среди ясного неба. Все присутствующие онемели от шока.

Первым дар речи вернул Шэнь Гумин. Он вскинул голову и уставился на Лян Сюаня так, словно перед ним предстал выходец с того света:

— Что ты сейчас спорол?!

Лян Сюань посмотрел на него сверху вниз с предельно серьёзным лицом:

— Ну да. Если точнее, я его внебрачный сын.

Шэнь Гумин никак не мог прийти в себя. Этот несносный бродяга — сын его будущего наставника?! Значит ли это, что в будущем ему придётся величать этого проходимца старшим братом по секте?!

«Избавьте меня от этого... Какой кошмар»

Пока юноша содрогался от ужаса перед открывшейся перспективой, мужчина в чёрном гневно выкрикнул:

— Ложь! Ты мне врёшь!

— Владыка, вы... — попыталась вставить слово Юй Жу.

— Заткнись! — процедил тот сквозь зубы. — У него не могло быть детей! Ты мелешь сущую чушь!

Лян Сюань лишь беззаботно развёл руками:

— Верь во что хочешь. Но мой отец как-то рассказывал мне о тебе.

— Что он говорил?

Лян Сюань расплылся в лукавой улыбке:

— Сказал, что ты парень неплохой, но чтобы губу не раскатывал и не строил пустых иллюзий.

«У старика Ляна всегда хватало обожателей, и этот шельмец явно из их числа. Кто бы мог подумать, что спустя целое столетие он всё ещё коптит небо»

В своё время, когда сработала Великая карающая формация против демонов, укрыться в ней не мог ни один тёмный заклинатель. И этот сопляк тоже находился внутри. По всем законам мироздания от его души не должно было остаться и следа, но вот он — живой и здоровый, стоит прямо перед ним.

Как такое возможно?

Неужели у Пэй Таньцзы и прочих святош внезапно проснулась совесть, и они пощадили мальчишку? Да чёрта с два. Ждать милосердия от этих упёртых чистоплюев — себя не уважать. Значит, дело в чём-то другом...

Мужчина опасно прищурился. В его голосе зазвучала ледяная уверенность, он явно не купился на дешёвую ложь:

— Ты хоть понимаешь, с кем говоришь? Сдаётся мне, знай ты моё имя, язык твой мигом прикусил бы свою дурацкую болтовню.

Лян Сюань промолчал.

Прошло немало времени. Когда мужчина уже окончательно уверовал, что собеседник понятия не имеет, кто перед ним стоит, а все его байки — глупое бахвальство, Лян Сюань лениво протянул:

— Юань Цяньчао. Нынешний глава секты Сюаньюй. Занимаешь почётную четвёртую строчку в Списке десяти святых — сразу после того лысого монаха из Храма Десяти тысяч Будд. Скажешь, я ошибся?

Стоявший неподалёку Мин Ю изумлённо вскинул брови и, нахмурившись, негромко спросил у

стоявшего рядом соученика:

— Постой, разве глава секты Сюаньюй не сгинул ещё сотню лет назад? Он что, переродился?

— Какое ещё перерождение? Погиб прошлый глава, а нынешний живет всех живых!

— А-а-а, вот оно что...

Юань Цяньчао стиснул кулаки так, что побелели костяшки, а ногти до боли впились в ладони.

В его голове бешено крутился один-единственный вопрос, сводящий с ума и требующий немедленного ответа.

Неужели у того человека действительно остался ребёнок? У того, о ком он грезил ночами, кого тайно и преданно любил целых сто лет...

Такая «заумная» карточная игра, как Борьба с помещиком, изначально даром не сдалась Юань Цяньчао. Но стоило ему разузнать, что именно Вэйцы-цзюнь принёс её правила в Ручей пришедшей луны, как он потерял покой. Он досконально изучил игру, и теперь каждый раз, глядя на карты, неизбежно вспоминал его.

Даже знаменитый меч Цанлань он выкупил лишь с одной целью — преподнести его в дар ордену Цинсяо-цзун через два дня, когда возлюбленный завершит медитацию и выйдет из затвора.

Юань Цяньчао прекрасно помнил, что у Лян Ланьина уже есть верный клинок Цзихуа, так что Цанлань должен был стать просто скромным знаком внимания.

Ни один заклинатель меча не устоит перед великолепным оружием. Юань Цяньчао лишь хотел порадовать Ланьина, оставить в его сердце хотя бы крошечный след.

Пусть один из них принадлежал к праведному Цинсяо-цзуну, а второй возглавлял тёмную секту Сюаньюй, и им суждено было идти разными дорогами.

Он давно уговаривал себя смириться с мыслью, что у того когда-нибудь появится семья... Но услышать это воочию оказалось невыносимо.

Сердце Юань Цяньчао обожгло острой, тягучей болью. С трудом совладав с голосом, он выдавил:

— Ты пойдёшь с нами... И меч Цанлань заберёшь с собой.

Для начала нужно во всём разобраться. Если этот наглец действительно плоть от плоти его возлюбленного, он и волоском его не обидит. Но если выяснится, что это наглая ложь... Юань Цяньчао лично спустит с него шкуру и переломает все кости, чтобы утолить ярость!

С этими словами он бросил короткий взгляд на Юй Жу. Та мгновенно считала приказ, кивнула и, убрав оружие в ножны, двинулась на Лян Сюаня с голыми руками.

Юань Цяньчао встал на путь демонов. Ещё век назад его культивация достигла поздней стадии Очищения Ци, а ныне он и вовсе возвысился до уровня Демонической Души.

Он вскинул руку, соединив указательный и средний пальцы. От них потянулась зловещая струйка чёрного тумана, которая принялась кружить вокруг Лян Сюаня, выискивая брешь в его защите, чтобы мгновенно перекрыть течение духовных каналов.

Лян Сюань даже бровью не повёл — подобные фокусы для него были детской забавой. Но спектакль шёл полным ходом, сценарий был утверждён, и бросать роль на середине представления он не собирался.

Приняв напуганный вид, он вцепился в рукоять меча Цанлань. Он затрясся мелкой дрожью, разыгрывая смертельный испуг так карикатурно и нелепо, словно готов был рухнуть от малейшего дуновения ветра.

— Но я ведь честно выиграл... — пролепетал он жалобным голосом.

— Выиграл?! — вскинулась Юй Жу. — Побить пару двоек парой троек?! Ты держишь нашего Владыку за дурака? Да ты бессовестно жульничаешь!

Стоявший поодаль Мин Ю вновь впал в глубокие раздумья:

— Так всё-таки... Тройка бьёт двойку или нет?

— Бьёт! — без малейшего колебания отрезал Лян Сюань.

— Э-э... — Мин Ю замялся, но почему-то решил взять на себя роль судьи: — В таком случае победа за этим молодым господином. Предшественник Юань, прошу вас, проявите уважение к правилам игорного дома.

Юань Цяньчао презрительно прищурился:

— Правила? Мы уже за пределами Ручья пришедшей луны. О каких правилах ты толкуешь?

— Люди поговаривают, что старейшины секты Сюаньюй — лживые и бесчестные твари, — подал голос один из учеников за спиной Мин Ю. — Раньше я в это не верил, но сегодня воочию убедился!

— Наглый щенок! Думаешь, если за твоей спиной стоит Цинсяо-цзун, я побоюсь выпустить тебе кишки?!

С этим яростным выкриком меч Юань Цяньчао со свистом вылетел из ножен. Пронзительный скрежет металла заставил содрогнуться воздух. Лезвие устремилось напрямиком к горлу болтливому юнцу.

При его жалкой культивации у парня не было ни единого шанса уцелеть!

Меч Девяти Зол был в волоске от того, чтобы пробить гортань юноши. Лян Сюань уже сложил пальцы в защитный жест, собираясь незаметно перехватить удар, как вдруг перед глазами промелькнул зелёный силуэт, заставив его замереть.

Раздался звонкий, чистый лязг.

Несущий верную смерть тёмный клинок натолкнулся на изящный, овейный благородной аурой меч.

Волна столкнувшихся духовных сил хлынула во все стороны, подобно штормовому приливу. Сила отдачи была столь велика, что Мин Ю и его товарищи судорожно схватились за грудь и попятнулись на несколько шагов, тяжело дыша.

Схватка между уровнями Демонической и Зарождающейся Души грозила обрушить небеса. Лян Сюань же стоял неподвижно, не сделав и шага назад. Бешеные потоки воздуха лишь нещадно трепали его широкие белые рукава, но он даже не зажмурился.

Он перевёл взгляд на нежданного спасителя в бирюзовых одеждах, и внутри у него всё похолодело.

Вновь прибывший заклинатель поспешно оглядывался, явно выискивая кого-то в толпе. Наконец его взор остановился на ослепительно-белом силуэте Лян Сюаня, и мужчина просиял:

— Младший брат?

«... Прощай, мой чудесный сценарий!»

Прервать столь блестящую импровизацию на самом интересном месте — для истинного ценителя драматического искусства это было сродни смертному приговору.

В воздухе повисла звенящая, мертвенная тишина.

Ни для кого в Поднебесной не было секретом, что у Почтенного Хуачэня из ордена Цинсяо-цзун было лишь двое учеников: Сиу-цзюнь — Цюй Цинъюэ, и Вэйцы-цзюнь — Лян Ланъин.

Стоило заветному слову «брат» сорваться с губ прибывшего, как Лян Сюань почувствовал, что Шэнь Гумин рядом с ним буквально окаменел. Юноша то ли окончательно лишился чувств от сокрушительного удара правды, то ли просто оставил попытки осмыслить происходящее и затих, словно придорожная пыль.

Лян Сюань задумчиво потёр подбородок.

У Мин Ю в голове всё шло кругом. Он растерянно пробормотал:

— Если он младший брат Сиу-цзюня, то это же...

Цюй Цинъюэ не обратил ни малейшего внимания на потрясённого Юань Цяньчао. Он со звоном убрал оружие в ножны и неторопливым шагом направился к Лян Сюаню. Но едва он собрался заговорить, как его взгляд зацепился за остатки шляпы на голове юноши:

— Зачем ты нацепил эту нелепицу?

Взмахнув широким рукавом, Цюй Цинъюэ лёгким движением сбил разорванную вэймяо на землю.

Лян Сюань медленно поднял голову, являя присутствующим свой взор.

В народе поговаривали, будто Первый красавец в Поднебесной — это образец благородства и отрешённости, неприступный и величественный небожитель, каждое движение которого дышит грацией.

Особо славился его взгляд — холодный, словно ледники на вершинах гор, способный проникать в самую душу.

Вот только никто не знал истинной подоплёки. Сто лет назад Лян Сюань просто сидел в собственном дворе и лениво напускал на себя загадочный вид. Делал вид, будто погружён в сложнейшую шахматную партию, а сам витал в облаках. Молодые ученики тогда столпились у ворот, заглядывая внутрь с благоговением, и Лян Сюань мимоходом бросил на них единственный высокомерный взгляд. Кто же знал, что уже на следующее утро этот случай обрastёт легендами и за ним навечно закрепится образ ледяного гения?

Даже лучшие пиарщики его прежнего мира не добились бы подобного успеха за столь

короткий срок.

Но теперь, когда маска была сорвана, тайное стало явным. Для всех присутствующих выстроилось сокрушительное равенство: этот бледный безумец в траурных лохмотьях — не кто иной, как младший соученик Цюй Цинъюэ, великий Лян Ланъин. Недостигаемый идеал красоты. Прекрасный сон Юань Цяньчао, разбившийся вдребезги о суровую реальность.

Юань Цяньчао со стоном схватился за грудь. По его побелевшему лицу казалось, что он вот-вот харкнёт кровью.

Что же до самого разоблачённого виновника торжества, то Лян Сюань в душе лишь безудержно ликовал. Наблюдая за тем, как меняются краски на лице несчастного тёмного владыки, он едва сдерживал дикий хохот, от которого уже кружилась голова.

«Ха-ха-ха! Прости, дружище, что осквернил твою святыню!»

«Ну как, сладок ли вкус разочарования? Всё-таки мой актёрский талант граничит с гениальностью. Где мой Оскар?! Пёс Син, ты просто обязан выписать мне премию за...»

Ох. Мысли его резко оборвались.

— Зачем ты прятался под этим навесом? — мягкий, вкрадчивый голос Цюй Цинъюэ вернул его к действительности. — Раньше ты никогда не скрывал своего лица. Неужели за эти годы наконец осознал, какое смятение твоя красота сеет в умах смертных?

— Да так, забавы ради, — небрежно отозвался Лян Сюань.

— И как, вдоволь натешился? — с мягким терпением поинтересовался Цюй Цинъюэ.

Лян Сюань лишь слегка приподнял веки, одарив его безучастным взглядом.

Решив, что младший брат всё ещё напряжён и ждёт подвоха со стороны их наставника, Цюй Цинъюэ поспешил добавить:

— Учителя здесь нет, тебе не о чем беспокоиться.

Лян Сюань прикинул в уме: у Пэй Таныцзы могла быть лишь одна причина разыскивать его — вернуть блудного беглеца в родные пенаты.

О похищении маленького бессмертного господина Цюй Цинъюэ наверняка прознал с самого начала. А когда заметил Нефритового льва, освещающего ночь, окончательно убедился, что

беглец околачивается неподалёку, и нарочно увёл скакуна, чтобы выкурить Лян Сюаня из укрытия.

— Твой верный меч сейчас у Шицзу, — продолжал Цюй Цинъюэ. — Учитель обещал, что вернёт тебе Цзихуа, как только ты переступишь порог обители.

Лян Сюань лишь покосился на него, не проронив ни слова.

Видя его молчание, Цюй Цинъюэ тяжело вздохнул, и в его взгляде проскользнула искренняя жалость:

— Младший брат... То, что случилось сто лет назад... Тот мальчишка сам переступил черту. Ты не должен винить во всём учителя. Его отношение к тебе... Ах, глупо отрицать очевидное, ты ведь и сам всё прекрасно понимаешь. Учитель пошёл на это лишь ради того, чтобы уберечь тебя.

Услышав это, Лян Сюань не выдержал и презрительно усмехнулся:

— Уберечь? Кто? Пэй Таньцзы?

Стоило ему сбросить маску, как переменилось и всё его существо. Ледяная, колючая улыбка могла заморозить душу любого, кто на него смотрел. Теперь в этом величественном и опасном человеке невозможно было узнать того весёлого пройдоху, что только что паясничал за карточным столом.

Цюй Цинъюэ нахмурился:

— Как ты смеешь называть учителя по имени?

— А почему бы и нет? — парировал Лян Сюань. — Этот человек никогда не видел во мне ученика. С какой стати мне почитать его как наставника? Братец, не смей меня.

Взгляд Лян Сюаня устремился куда-то вдаль, став острым, словно лезвие бритвы:

— Скажи спасибо, что его сегодня здесь нет. Иначе при виде его физиономии я бы не удержался от отборной брани.

Цюй Цинъюэ промолчал. Он прекрасно знал упрямый характер своего соученика: Лян Сюань никогда не бросал слов на ветер, и если обещал обругать Пэй Таньцзы, то непременно сделал бы это. Но он пришёл сюда не для того, чтобы затевать спор, а чтобы вернуть беглеца в орден. Смягчив тон, он произнёс как можно мягче:

— Вэйцы, вернись со мной. Учитель действительно тоскует по тебе и хочет увидеть. К тому же ты сам понимаешь: Цинсяо-цзуну тяжело без тебя. Твой дом там, и твоё место всегда ждёт тебя.

— Если он так жаждет на меня полюбоваться, нарисуй мой посмертный портрет и повесь ему перед носом, пусть любит, сколько влезет, — отрезал Лян Сюань. — А что до Цинсяо-цзуна... судя по всему, без меня вы прекрасно справлялись все эти годы. Даже обзавелись столь прелестным молодым поколением.

Он хмыкнул и добавил:

— Такие юные, а уже вовсю развлекаются в весёлых кварталах. Славно живёте.

Мин Ю почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он робко вскинул глаза и тут же наткнулся на насмешливый прищур Лян Сюаня. От этого взгляда сердце юноши ушло в пятки. Залившись краской до самых ушей, он поспешно устался в землю, боясь даже вздохнуть.

— Вэйцы...

— Избавь меня от нотаций. Я не вернусь, — Лян Сюань обошёл Цюй Цинъюэ. Его взгляд скользнул по окаменевшему Юань Цяньчао, притихшей Юй Жу и вжавшим головы в плечи молодым ученикам, после чего вновь остановился на старшем брате. Лян Сюань хищно улыбнулся: — На улице разыгрался сильный ветер, а твоё здоровье, братец, всегда было хрупким. Ступай-ка ты лучше восвояси.

Он бесцеремонно схватил Шэнь Гумина за шиворот и развернулся, намереваясь уйти.

— Куда ты отправишься? — донёсся ему вслед оклик Цюй Цинъюэ.

Лян Сюань остановился и полуобернулся. Тень легла на его лицо, скрывая эмоции:

— Туда, где не будет вас. Радуйся, если наши пути больше не пересекутся. Не уверен, что при следующей встрече я буду настроен на столь любезную беседу.

Он криво усмехнулся:

— Тот, кому терять уже нечего, способен на любое безумие. Побереги свои нервы, дорогой брат.